

"Тот уголок
земли..."
сп-м о Пушкине

10/IV-87

9 (1) апр 1987

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

ПРЕМЬЕРА

ТОТ САМЫЙ АЛЕКСАНДР ПУШКИН...

...Один из мучительно трудных вопросов духовного бытия человечества: как сохранить память о своем «вчера»? Речь не о бесстрастной компьютерной памяти — о живой, сопереживающей, любящей... Знание сохранить не так уж трудно, чувство — о!.. Вот это куда сложнее, и время здесь — враг. Безжалостно растворяет «мелочи», стирает «штришки» вроде бы второстепенные, но живые, и вот осталась одна лишь схема, портрет холодный в отсутствии этих живых мелочей и потому — чуждый тебе...

Вот уже 150 лет нет на свете Пушкина. Эти полтора столетия доказали: забвения ему не будет — во веки веков. Но не забвения мы страшимся, а той канонизации образа, которая закрывает от нас живого человека — Александра Пушкина, еще не сделавшего великим, еще не произве-

денного в гении, еще не отмеченного вечностью. Еще не ставшего мертвым, а потому не нуждающегося в том трепетном почтении, которое — удел мертвых...

Каким мы видим Пушкина? Не абстрактный вопрос, конкретный: портрет его в нашем воображении каков? Лицо печально-строгое (профиль — жесткий от быстрого полета пера), лосины, фрак, цилиндр...

— Какой цилиндр? — восклицает Семен Степанович Гейченко. — Это все некоторые художники его в цилиндре изображали. Лежал он у него в Михайловском где-то в коробке. А он уже (Пушкин то бишь) мужиком там был... Вот когда Гейченко говорит

о Пушкине — это нужно видеть! Видеть лицо счастливого, влюбленного человека. Так говорят о близких, бесконечно тебе дорогих людях. С которыми связывает столько! Вся жизнь... Вся жизнь Гейченко — в Михайловском, в Пушкинском доме. Он ревностный страж этой святыни нашей поэзии, и потому и понятно и простиительно его стариковски нетерпимое: «А если пришел экскурсант, которому нужно другое, — уходи вон!» И указывает ведь рукой прямо на дверь!

Где я все это вижу и слышу? В минувший понедельник, по первой программе телевидения в новом хроникально-документальном видеофильме «Тот уголок земли...»

Не думаю, что фильм этот посмотрели многие. Во всяком случае отсутствие должного анонса, а также позднее для режима работающего человека время (все-таки полночь мало кто встречает у телеэкрана — если только передача не сенсационная) позволяют предположить недобор зрительской аудитории в сравнении с тем, чего фильм заслуживает. Он — о народных песнях, записанных Пушкиным в период ссылки в Михайловском. Собственно, весь фильм — это песни, которые «открыл» Пушкин и которые поют на Псковщине по сей день (в фильме их великолепно исполняет фольклорный ансамбль Ленинградской государственной консерватории

им. Н. А. Римского-Корсакова). И еще текст в страстном прочтении И. Смоктуновского. Монологи С. Гейченко. Вот и все. Фильм очень скромный. Но он западает в душу. Чем? Может быть, тем, что в нем — не только память, но чувство? Не столько почтение — сколько любовь? О Пушкине здесь говорят как о живом, нет этой дистанции, этой субординации, когда рукой потрогать нельзя, потому что... экспонат.

— Пушкин бегал все на мельницу, весь в муке был! — Ссылку поэт сначала воспринял с отчаянием. Сколько раз думал: да не покончить ли с собой? А потом воспринял как дар судьбы...

— Пушкин простаивал в

народе подолгу... Слушал, что поют, что рассказывают. Он писал... за спиной, незаметно от людей. Бумагу клал на досочку и писал...

Песен много поют в этом фильме. Песни протяжные, какая-то щемящая тоска в слаженности вроде бы внешне невыразительного пения. Девушку замуж собирают, медленно, заученно расплетают косу... Гадают, накрыв кольцо платком. «Чье кольцо? — Мое!»

Вот он на все это смотрел, слушал. Он это записывал. Боялся, что затеряется, исчезнет, что до нас не дойдет...

Он думал тогда — о нас. Мы сегодня — о нем...

О. ДМИТРИЕВА.